

Страсть без пафоса украшает критика

Коммерсантъ - Daily, - 1997, - 15 нояб. - с. 9

Юбилей искусствоведов, как правило, не освещаются в прессе. Тем не менее юбилей одного из крупнейших кино- и театралных критиков последних десятилетий **Инны Соловьевой**, с осторожностью относящейся ко всякому пафосу и коллективным страстям, заслуживает отдельной статьи.

Крупнейший историк МХАТа. Педагог ГИТИСа, воспитавший не одно поколение театроведов. Критик современного театра и кино, чье мнение звучит теперь не так часто, но по-прежнему авторитетно. Автор блистательных статей и книг (многие из них написаны в соавторстве с Верой Шитовой) о зарубежном кинематографе, главным образом итальянском и французском — о Висконти, Беккере, Трюффо, Габене. Замечательный писатель, не одаривший нас романами и поэмами, но воплотивший свой мощный литературный дар в жанре критического эпоса (монография «Немирович-Данченко» в серии «Жизнь в искусстве»).

Охарактеризовав творческую личность Соловьевой в мужском роде, не станем повторять банальности о том, что у нее мужской ум и мужское перо. Женского в

ней тоже предостаточно, а мудрость непонятным образом уживается с почти детской непосредственностью восприятия. Ну, назовем ее свежестью, и признаемся, что для критика это завидное качество.

Статья «Страсти под вязом и вяз», фрагмент которой мы приводим, появилась почти десять лет назад. В этой статье Соловьева сумела сформулировать едва ли ни самое болезненное противоречие в общественном сознании минувшего десятилетия. Критик первой не из стана «противников перестройки» выражает сомнение в плодотворности разоблачительной истерии в частности, равно как и в плодотворности взвинчивания эмоций на неопрогрессивистской почве вообще.

Разбирая типовой перестроенный документальный фильм «Группа товарищей», критик позволяет себе усомниться в правомерности группового единения «публицистических целей ради» «жертв режима» — от Мандельштама и Ахматовой до Вадима Сидура и Андрея Тарковского.

Инна Соловьева выступает против абстрактного, а потому фальшивого «образа жертвы» и «образа врага», пусть даже последним будет партия. И признается, нарушая кодекс тогдашней политкоррек-

тности: «Не пойму, хоть убейте, чем Брежнев повинен в смерти Анатолия Эфроса».

В конечном счете, Соловьева предугадывает процессы ближайшего будущего, которое сегодня стало настоящим. Популизм новых фигур политического шоу-бизнеса. Подчиненность культуры новой идеологии и новой власти. Лениность мыли и непрофессионализм творцов, прикрытые аффектированной страстью и ложным пафосом.

АИДРЕЙ ПЛАХА

Инна Соловьева (настоящая фамилия — **Базилевская**) в 1949 году окончила театроведческий факультет ГИТИСа. Доктор искусствоведения (1975). С 1960 года работает также в области кинокритики. Автор многочисленных статей по вопросам театра и кино, а также книг: «Кино Италии» (1961), «Жан Габен» (с В. Шитовой, 1967), «Четырнадцать сеансов» (с В. Шитовой, 1981). Три дня назад в типографию сдан двухтомный труд Инны Соловьевой «Энциклопедия к столетию МХАТа».

Фрагмент статьи Инны Соловьевой «Страсти под вязом и вяз»

... В кадр попал вяз, который стал хорошо виден проходим, когда снесли дома, прежде окружавшие двор. Стоит он близ угла улицы Воровского и улицы Писемского, а если хотите — близ угла Поварской и Борисоглебского, поскольку вяз вырос, пока названия не сменились. В тридцатые годы, когда шла реконструкция по Генеральному плану, район был сравнительно мало задет; более или менее уцелел при прокладке Нового Арбата; однако и к нему подбираются, что-то намереваются тут построить.

К тем, кто проходит мимо, обращено воззвание, оно висит прямо на самом вязе. На столике под ним — тетради. Если жаль старого дерева, оставьте в них подпись; можете выразить тут же свое отношение к сути дела.

Вероятно, эти тетради куда-то пошли. В них можно найти и мое имя с адресом. Я нормальный человек. Когда спрашивают, срубить живое или помиловать — неужели же я скажу: рубите! Понятно, что подписались под петицией. Непонятен осадок, какого не должно быть после поступка, если поступок хорош. Все вроде бы как надо, так почему же претит?

Не то чтобы казались пустыми страсти вокруг одного дерева на углу после того, как чохом еще не то валили под корень и никто рта не открывал. Радоваться бы, что хоть теперь открывают! Радуюсь. В принципе радуюсь. Конкретно же то, что успеваешь прочесть в той тетради, где и моя подпись, — не радует. Не то что там порадоваться.

Хоть кто бы слово сказал про сам вяз-то: что к нему привыкли, любят; что он — крепкий, еще долго может жить, вязы и по четыреста лет стоят; что скучно будет на тот год, если в привычную пору не угадаешь запаха его цветенья, вроде бы похожего на запах лип, но все же иного. Жаль его крылатых орешков и мелко зазубренных по краю, темноватых больших листьев.

Взамен того в тетрадях бурно описываются факты и имена, сами по себе остро сигнализирующие подготовленному сознанию. Храм Христа Спасителя. Есенин и снос гостиницы «Англетер». Забытые сельские кладбища. Грознящий обрушиться Пашков дом. Осквернение, которое, видать, кому-то на руку. Разрушение, которое неспроста. Покушение, имеющее цель.

Высоко и нервически взлетает голос то одной, то другой записи, всхлипывающей и обвиняющей. Записи заражают

одна другую экстагическим, взвинченным состоянием поруганности; пишущие словно ловят кайф в насаде. Реальный вяз как бы истаивает: не до него. Назвать бы, схватить бы тех — неуловимых, повсеместных, злокозненных, — кому надо вот сгубить еще и дерево-святыню. А землю, говорят, за доллары продали. Турецкое посольство хотят поставить. На святом-то месте.

Несомненно, все это пишут со страстью. С неподдельной. Но я не уверена, что страсть как таковая априори внушает уважение. Страсти — как антигигиена безразличию и апатии — возникнуть недолго. Пробудить ее в себе, заразить ею — не штука. Только зачем.

Впрочем, можно и объяснить — зачем. Экстагическое, приподнятое, острое состояние само по себе способно доставить наслаждение. Наслаждение это не удваивается, но возводится в степень, когда ты чувствуешь, что твой накал слит с чужим накалом. Заметим, что такого наслаждения общественная практика нам давно не давала.

Когда вручали ордена Леониду Ильичу Брежневу, все хлопали и вставали, но восторженного общего охвата никто даже и не имитировал. Когда его хоронили, народу было много, но экстаза горя опять же никто даже и не имитировал.

Ученый, занимающийся психологией масс, должен будет непременно заняться вопросом происхождения сильнейших массовых чувств, избыток которых поистине есть примета сталинских времен (и, быть может, причина неизживаемо-благодарного воспоминания о них, сохраняющегося у стольких) и дефицит которых столь же несомненно есть примета времен, к нам более близких.

Признав вчерашний дефицит общественных страстей, нетрудно угадать сегодняшний спрос на них. Нетрудно предсказать и спекуляцию страстями; из такой спекуляции извлекается высший доход — духовная власть.

«Слушатель всегда сочувствует говорящему со страстью, даже если тот не говорит ничего дельного. Потому многие ораторы шумом доводят слушателей до иступления». Это замечено Аристотелем, смотри в «Риторике». Это подтверждается...